
ПРЕДИСЛОВИЕ*

Я не критик-рецензент, не полемист, не специалист в области слова и никогда не осмелился бы выступить со своим предисловием к этой книге, если бы не одно существенное «но»: человек, о котором в ней рассказывается, — мой отец. Оставаясь приверженцем принципа полной творческой свободы, разделяя взгляды молодого, талантливого автора Дмитрия Минчёнка, мы прониклись обоюдным желанием сделать книгу не только рассказом, повествующим в хронологическом порядке о событиях тех далеких дней, но и правдивым, без прикрас человеческим документом. Использовать малоизвестные архивные материалы, письма, фотографии обязывала не только сама жизнь, неумолимо, час за часом, день за днем, отсчитывающая лимит отпущенного времени, но и святая сыновняя обязанность не допустить забвения того, что осталось, как говорят, «за кадром».

За многие годы, пролетевшие после смерти композитора в 1955 году, сменилось не одно поколение людей, преобразилась жизнь, страна, другим стало отношение к тем или иным событиям, к тем или иным личностям. Что воспевалось раньше, предается анафеме, что было хорошо тогда — сейчас стало ненужным. Отец жил в тяжелое и в то же время счастливое и светлое время. Оно было детством, юностью, молодостью того поколения, к которому принадлежал мой отец. Его современники кипели энтузиазмом и смело смотрели в солнечное завтра. Но оно было и глубо-

---

* Написано старшим сыном композитора Евгением Исааковичем Дунаевским (1932—2000) при работе над первым вариантом биографии Исаака Осиповича Дунаевского: *Минчёнок Д. А. Исаак Дунаевский: Большой концерт. М.; Смоленск: Олимп; Русич, 1998 (Человек-легенда).*

ко трагичным, так как надежды разбивались о чудовищные деяния «культы личности».

В предреволюционные годы, в середине 1920-х некоторые деятели искусств, в том числе и Александр Блок, еще верили в очистительную миссию революции, видели в ней стихийную силу, сметающую все на своем пути, в том числе захламленность и застой буржуазной обывательщины и мещанской морали. Мой отец в 1920-е годы мог сообщить в письме, что «его очень интересует такая вещь, как джаз-банд», что он «упивается работой над партитурой, насыщенной новейшими сложными гармониями», и мог, не боясь, назвать свою работу над ораторией «Коммунисты» «халтурой, которая так только и делается». Но прозрение наступило быстро, все иллюзии развеялись. Началось генеральное наступление пролетарских ассоциаций, созданных по указанию свыше, на культуру и искусство. Это делалось под знаменами пролетарской и партийной идеологии. Художник мог быть ошельмован, сослан, расстрелян только за то, что его музыка, картина, поэма или пьеса не вписывались в идеологическое понимание вождя. «Кремлевский горюх с таракаными усищами» начинал формулировать свой пресловутый метод соцреализма.

В наше время многие несведущие люди ассоциируют творчество композитора только с «культом личности» Сталина, считают его певцом сталинской эпохи. Помню, как в конце 1980-х, во время подготовки маленького юбилейного концерта в летнем театре Филевского парка, к организаторам вечера ворвались двое и стали угрожать, требуя отмены концерта. В 1990-е годы мне не раз приходилось выражать письменный протест в адрес журналов и телередакций, грубо искажавших облик композитора и по-хамски относящихся к его музыкальному наследию.

Перелистываю страницы архивных материалов, вчитываюсь в названия сочинений отца — их 329 (переданных в Центральный государственный архив города Москвы) плюс находящиеся в моем личном архиве. Двенадцать оперетт, свыше восьмидесяти пьес, 30 фильмов, произведения для фортепьяно, симфонического оркестра, джазового оркестра, струнных ансамблей, музыка обозрений, романсы и т. д. Ищу специальную, что можно как-то увязать с именем Сталина, с его «культом». Читаю названия: «Осень» — произведение для двух скрипок, «Незнакомка» Александра Блока, «Скорбная песня», «Драматический квартет № 1», «Вальс для симфонического оркестра», «Рапсодия на русские темы для симфонического оркестра»... Может быть,

найду в разделе песен? Дальше читаю: «На разъезде», «Баллада о Москве» (слова Михаила Светлова), «Дальняя сторожка», «Хороша столица наша!», «Без меня никого не люби», «За здоровье советских людей» и т. д. и т. п. Есть! Нашел! «Песня о Сталине» — для трехголосого хора и фортепьяно (конец 1930-х годов, слова Михаила Июшкина). Вот еще! «Песня о Сталине» (1945 год, слова Сергея Васильева и Александра Коваленкова). «Песня о сталинском наркоме». Культовая?! 1939 год. Всё! Больше ничего не нашел! И это — культовый композитор?!

То, что отец был патриотом своей страны, несомненно. Он любил людей, воспевал любовь, дружбу, молодость. С этим он определился сразу, в самом начале своей творческой жизни. И не надо его винить за то, что он создатель двух песен-гимнов, которые наиболее полно выразили дух той эпохи: «Песни о Родине» и «Марша энтузиастов».

В книге повествуется о жизни, работе, увлечениях и любви композитора Исаака Дунаевского. Я очень хорошо помню отца, начиная с четырех лет. Более обаятельного, милого, отзывчивого человека в быту я не встречал. Меня он обожал, баловал. Когда возвращался вечером домой, не было случая, чтобы не приносил того, чему не радовалась бы моя детская душа.

Почему-то запомнился эпизод, когда мне не было и пяти лет и мы снимали две комнаты на Бородинской улице, 4, в Ленинграде. Отец принес пачку печенья, на которой было изображено сердце таким, каким его обычно рисуют. Я спросил, что изображено. Он посмотрел на меня внимательно и серьезно стал объяснять, что этот предмет есть у каждого человека, он находится в груди и называется сердцем. «Слышишь, как оно стучит? Без него жить нельзя! И оно все время работает, не отдыхая ни на миг! Стучит беспрерывно всю жизнь! И позволяет двигаться, работать, сочинять музыку и любить тебя, твою маму и всех близких». Тогда я осторожно поинтересовался: «Ну а если оно остановится?» Он вздохнул, опять серьезно посмотрел на меня и ответил: «Тогда этот человек умрет. Он не сможет дышать, двигаться, любить и сочинять музыку, и постепенно его забудут!» Вот этого я никак не мог понять и еще долго приставал со своими вопросами. Прошло столько лет, прошла почти вся моя жизнь. Сорок три года назад умер отец — у него остановилось сердце, 19 лет тому назад умерла от остановки сердца мама, а я все вспоминаю эту символическую сценку далекого детства над пачкой печенья.

Появилась, наконец, возможность высветить те безрадостные годы в жизни отца, которые мало кому известны: 1942—1944 и 1951—1952 годы. Во время поездки ансамбля песни и пляски Центрального дома железнодорожников по городам и весям страны (тогда он серьезно увлекся молодой, красивой женщиной — солисткой ансамбля Зоей Ивановной Пашковой) отец руководил художественной частью большого коллектива. Он много дирижировал в концертах, как правило, первым отделением, где в основном исполнялась его авторская музыка. Много времени уделял обработке песен и плясок народов мира, которые входили в репертуар второго отделения концертов. Вторым отделением дирижировали или его старый знакомый по Ленинграду Сергей Петрович Герчиков или Евгений Августович Кангер. В поездке он, естественно, отошел от работы в секретариате Союза композиторов, не был переизбран. Кипучая, творческая энергия Дунаевского, бывшая через край в предвоенные годы, сменилась некоторым спадом, «творческим тормозом», как пишет сам композитор в одном из писем. Начались материальные трудности.

Все военные годы мы с мамой жили в эвакуации — сначала в глубокой сибирской деревеньке Успенке на берегу Оби, а позднее в Новосибирске. Отец постоянно, через знакомых или посыльных, присылал нам весточки о себе, иногда деньги и посылки. Практически из каждого пункта, где останавливался поезд с ансамблем, от него приходило письмо, в котором он беспокоился о нас, просил чаще писать ему, делился своими впечатлениями о событиях на фронте. Мама очень нервничала, боялась остаться в эвакуации навсегда. Письма ее были тревожными и драматичными, папины — успокаивающими и вселяющими надежду и бодрость.

Помню, еще в Новосибирске, когда наш поезд стоял на запасных путях и мы жили в теплушках, пришел большой и шумный человек — знаменитый Иван Иванович Солертинский, передал что-то от папы. А когда ансамбль проезжал через Новосибирск, мы наконец встретились с отцом, и я увидел, как он сдал внешне: осунулся, постарел, жаловался маме на плохое самочувствие. Он много курил, буквально не вынимал папиросу изо рта. Я его не представляю без папиросы. У меня сохранилась пепельница с бронзовой головой негра, держащего в зубах папироску, которая всегда стояла на письменном столе отца и которая до удивления походила на него.

Этот период дал возможность недругам отца обвинить его в трусости, в моральном и творческом застое. У меня сохранилось письмо отца Араму Ильичу Хачатуряну, в котором он объясняет сложившуюся ситуацию. Но не надо забывать, что Дунаевский писал в этот период и хорошую музыку. Как много эпизодов войны, на которые творчески откликнулся композитор! Кантата «Ленинград, мы с тобой» (слова Семена Липкина), «За Родину — вперед!» (слова Василия Лебедева-Кумача), «Море», «Мы придем» (1942, слова Леонида Мартынова), «Песня 9-й Гвардейской» (1942), «Гвардейский привал» (1942), «Песня 62-й Армии» (1943), «Слава Армии народной» (1944) и т. д. Я только выборочно назвал некоторые песни. А еще были «Песня о Москве» (1942), ставшая гимном столицы, много лирических песен, таких как «Снова поет соловей» (1945), «Сторонка родная» (1945), «Ехал я из Берлина» (1945), «Не тревожь ты себя, не тревожь» (1943), «Вагоны-вагоны» (1943) и т. д. Можно ли говорить о творческом бессилии?

Наступил полувековой юбилей. Отец встретил его полным творческого горения и планов на будущее. Но тяжелая драма подкрадывалась исподтишка. Книга рассказывает о нашем семейном несчастье. Могу только добавить как основной участник этой драмы, что все грязные слухи и пересуды вокруг этого действительно страшного и нелепого случая никакого отношения к правде и действительности не имеют. Кто их распускал, у того на совести пусть это и останется. Я до сих пор несу на своих далеко не атлетических плечах тяжелую ношу сплетен и слухов, а ведь прошло уже 47 лет с того несчастного вечера, когда в ноябре 1951 года на моей машине, украденной так называемыми приятелями, разбилась девушка. Они решили покататься, не умея как следует управлять автомобилем. Была сильная гололедица, девушка, сидевшая за рулем, не справилась с трудной дорогой — машина перевернулась. Если бы машина была не с открытым верхом (кабриолет), никто вообще бы не пострадал. Умерла талантливая, юная, красивая Зина Халеева, студентка третьего курса ВГИКа.

Наверное, есть некая закономерность в том, что такие драмы, как неожиданная смерть, накладывают отпечаток на всю дальнейшую судьбу человека, нормального человека, каким я себя до сих пор и считаю. Не имея непосредственного отношения к этому трагическому случаю, ибо спал и ничего не ведал, я вынужден был стоически выслушивать шепот за спиной: «Это тот самый, который убил и закопал,

а папа из-за этого застрелился!» Этот трагический случай фатально повлиял на мою жизнь, на нашу фамилию.

Что говорить о душевном состоянии папы и мамы?! Сохранилось письмо отца министру культуры Николаю Михайлову, где он, ничего не приукрашивая, излагает суть происшедшего, дает мне характеристику. Он верил в мою нравственную безупречность и в мое будущее.

В 1952 году появился грязный пасквиль на отца в газете «Советское искусство» под названием «Печальный акт». К нему приложили руку недруги и завистники композитора, воспользовавшись его тяжелым моральным состоянием. Их имена известны, но что от этого? Советская печать тогда была «самой правдивой в мире». Опровержений при Сталине не полагалось. Можно было только соглашаться и каяться.

В условиях сталинского режима перо журналиста уподоблялось смертоносному жалу и очень часто это страшное «оружие» находилось в руках человека с низким нравственным потенциалом. Статья, фельетон очень часто ломали судьбу ни в чем не повинного человека в лучшем случае, а в худшем — приводили к аресту и даже гибели героя статьи. Обычно за спиной журналиста стояли вершители судеб — партийные идеологи или сильные люди со связями, просто сводящие сче­ты.

Отец ходил черный от переживаний, пытался протестовать, искал правду, писал, что все было не так, все искажено, но доказать никому ничего не мог. Стенограмму его выступления заранее уничтожили. Ходил за помощью к первому секретарю Союза композиторов Тихону Хренникову. Тот беспомощно разводил руками: «Кайтесь, Исаак Осипович, кайтесь!» А здоровье отца расшаталось окончательно: страшно болели ноги. Пошаливало сердце. Последние годы своей жизни он походил на старичка, ходил уже с палочкой. Врачи после его смерти, при патологоанатомическом исследовании, удивились: как он мог вообще дожить до пятидесяти пяти лет с таким изношенным организмом?

Пожалуй, из всех своих соратников, кроме Василия Ивановича Лебедева-Кумача, Дунаевский ушел из жизни первым. Сейчас не осталось никого, кто бы мог поделиться воспоминаниями. Моя мама, Зинаида Александровна Дунаевская, так и не оправилась после смерти мужа, здоровье ее быстро ухудшалось, ноги отказывали, отказывало и сердце. Она слегла и не вставала 12 лет. Кроме меня у нее никого не осталось, ухаживать за лежачей больной было

трудно. Но я сделал все, чтобы скрасить ее и так не очень радостную жизнь. Она отвечала мне любовью.

До последнего дня я боролся за продление ее жизни. Последние годы прошли в больницах. Помню зимнюю февральскую ночь в 60-й больнице, что на шоссе Энтузиастов. Я нелегально пробираться в помещение реанимации. Рядом комната дежурного по реанимации. Врач, краснолицый, похожий на мясника человек, вдребезги пьяный, сидит за столом с бутылкой. Милостиво, за бутылку же, он пропустил меня к маме. Тишина, тоскливо гудит то ли зуммер, то ли поддерживающий искусственное дыхание аппарат. В реанимационной, холодной, выложенной кафелем комнате, мертвый синий свет. В комнате трое: умирающий, в коме, пожилой грузный мужчина, задернутый наполовину занавеской (его хриплое, судорожное дыхание вызывает у меня ощущение боли в груди); слева под простыней чье-то тело; справа вижу маму. Она в забытии, но, когда я подошел к ней, открыла глаза. Говорить мама уже не могла, но по ее глазам, вспыхнувшим каким-то голубым сиянием при виде меня, я понял, что она в сознании и все понимает. Я взял ее холодную руку в свою и почувствовал еле уловимое пожатие. Она прощалась со мной. Так и остались во мне ее глаза, полные слез и любви.

Мама умерла рано утром 18 февраля 1979 года после того, как врач сказал мне, что кризис миновал, больная заснула, а я могу идти домой спать.

Несмотря на сложную, противоречивую, но богато одаренную натуру отца, с его порывами, увлечениями, врожденной порядочностью и честностью, не было человека ближе ему и роднее, чем моя мама. Тридцать лет совместной жизни, наполненных радостью молодости, трудностями бытия, обоюдным счастьем любви и супружеской жизни, рождением ребенка и первой изменой, дальнейшими увлечениями отца, так и не разлучили их. Они лежат в одной могиле на Новодевичьем кладбище.

В 2000 году человечество будет отмечать свой главный юбилей от Рождества Христова. Ровеснику века, композитору Исааку Дунаевскому, исполнилось бы 100 лет. Хотелось бы, чтобы люди, отмечая свой великий праздник, вспомнили о человеке, музыку которого так любили их отцы и деды.

*Евгений Дунаевский,
1998 год*

ОТ АВТОРА

Он был очень невысоким — чуть ниже среднего роста. А вес произведений, сочиненных им, — больше тонны!

5 миллионов 700 тысяч написанных нот. Если я не ошибся, считая на костяшках бухгалтерских счетов. Тридцать фильмов, — музыку к которым он написал. И ни одного фильма о нем. Я про художественные.

Вот то подношение, которое человечество воздвигло гениальному Исааку Дунаевскому!

Самое роковое, самое последнее и страстное — воссозданная версия любви и жизни великого композитора. Кем был этот маленький человек, который никогда не пил колы и не читал Кена Кизи? Гений в искусстве, в любви — один из нас! Главный мелодист сталинской эпохи, жизнь которого могла бы стать историей про сказочного принца, в которой не было бы ни света, ни любви, если бы все это он не умел превращать в неистовую мелодию.

348* песен о силе страсти под грохот печей мартена.

348 поводов застрелиться или броситься под поезд! Ведь неуспех равнозначен гибели.

И ни одного провала.

Ошеломительная история о невероятной силе. Силе духа.

В самом ли деле ты обладаешь тайной властью над миром, будучи гением, или ты просто игрушка слепых сил, куда более могущественных, чем те, что дают тебе надежду оставаться человеком?

Правда ли, что только любовь способна примирить тебя с таким миром?! Может быть, пространство.

Ленинград!

---

* 348 — число песен, включая малоизвестные, и набросков сочинений Исаака Дунаевского, разысканных автором.

Переезд в этот город — что это? Просто совпадение? Или некая дорожка к тайне, которую гений оставил нам разгадывать.

Что значили эти встречи в жизни Исаака? Сотни тысяч поклонников. Из них только один — главный.

Что, если встреча со Сталиным — это ключ к пониманию тайны жизни и смерти Дунаевского?

Жизнь без правил, приношения — без жертв, удовольствие — без морали — в своей жизни Дунаевский дошел до роковой черты, за пределами которой число случайностей, которые могли привести его к смерти, бесконечно умножилось.

В разладе с любимой, в отсутствии надежды и с избытком утопических желаний, в какой-то роковой схватке за свою жизнь Дунаевский пришел к гармониям нового сорта. Он оторвался от того, что любил прежде.

Семь нот, семь смертных грехов, семь добродетелей.

Дунаевский играл на всем сразу.

Каждый из этих рядов ведет к вершине. Сорваться можно с любой.

Кто-то однажды сказал о нем: «Он был слишком прозорлив, чтобы не замечать соблазнов, и слишком человек, чтобы избегать их».

Один неправильный миг изменил всё... Катастрофа для его народа стала катастрофой и для него.

Война.

Легкое и возбуждающее, как шампанское, волнуемое и радующее, как легенда о жизни божественного художника, зрелище.

С Дунаевского — Дуни началась история богемы. Он был первым, кто начал вести независимую жизнь вольного художника. Пусть подчас она была полна лишений, но зато живущий ею был полновластным хозяином своей судьбы и никто не мог приказывать ему, что делать.

А когда заказов было много и чаша жизни полна, более приятного бытия, чем жизнь обеспеченного художника, трудно представить.

Если бы не было Дунаевского, не было бы Утесова, Александра, Майи Кристалинской, Клавдии Шульженко... Аллы Пугачевой, «Цветов зла», хиппи, не было бы всей советской музыки... и не родилась бы эта легендарная, безалаберная, проклятая, обесчещенная и превознесенная в века общность под названием — советская музыка.

Ее ангел и демон, милость и проклятие — Дунаевский.

Как могла бы сложиться его жизнь, если бы он не стал музыкантом? В Америке он был бы бойскаутом, в Поль-

ше — бомжом, в Италии — дворянином, но в искусстве... остался величайшим гением всех времен, эдакой машиной по производству божественных мелодий.

О нем самом можно узнать из его музыки, о его жизни — из книг, кинофильмов и теперь — из уст шансонье и рок-музыкантов. Что же касается всего остального...

Я слушал его долго — и это стоило мне нервов. Я слушал его до конца — и это стоило мне слез. Так я познакомился с Исааком Дунаевским.

Насколько я изменился, пока писал роман про Дунаевского? Только это показывает силу, с которой ты погрузился в ту жизнь, которая тебя меняет.

Даже когда нет хлеба, а порой и в радости, что его — нет, понимаешь, что можно делать все не «за хлеб», и будешь делать не «за хлеб», потому что есть вещи более значимые. Может быть, ради этого и живешь.

Пока я пытался понять судьбу моего героя, я осознал, что такое «провинциальность». Это качество людей, цели которых никогда не поднимаются выше самого прямого исполнения поставленной — «за хлеб» — задачи. У них не болит об этом душа, не болит ничего, в лучшем случае радеет только их тщеславие. Дунаевский жил за счет того, что писал музыку. Писал, восхваляя или прославляя абстрактные величины, которые не существуют в жизни. Это заблуждение, что любви к родине можно научить. Можно научить испытывать ненависть к противникам твоей любви, которые хотят тебя согнать с родной земли.

Любовью к абстрактным понятиям я называю любовь к тому, что выходит за пределы осязаемого. Но оно — абстрактное существует, его надо только ощутить. Рядом с Дунаевским про «любовь к родине» сочиняли сотни других. Люди, которые занимались этим только «по долгу службы». У них было доброе сердце, они вполне честные, но их душа не болит от любви, о которой они сочиняли, их в лучшем случае просто радовало признание публики.

Для Исаака Дунаевского его музыка не была «областью служения». Музыка в целом можно воспринимать как приятную «картинку» для мозга, но она может подняться выше человеческого любования, стать величественной, возвысить слушателя, и... сделать его причастным силе духа, который, парадоксально опираясь на простое земное желание продолжать себя в вечности, копируя умение эгоистически переживать только за самого себя, вдруг теряет земные, низменные свойства души. Иначе как Божьим вмешатель-

ством это не назвать. Богоявление происходит тогда, когда в какой-то момент наш эгоизм теряется.

Когда этот момент наступает?

Человек по своему устройению всегда бунтует. Он знает силу бунта.

Когда у людей этот дух открывается — я не буду говорить, что его высвобождает только музыка, но именно тогда композитор и становился гением. Бунтарский дух наполнял жизнь Дунаевского той самой жертвенностью, которая мне понятна, приемлема, и чему я тоже пытаюсь следовать. Дойти до пределов самоотречения можно во всех сферах деятельности. Для этого не надо быть профессионалом. Надо быть великим любителем (от слова *любить* свое дело больше, чем себя) и быть (хоть это совсем непросто) человеком, чье милосердие к другим довлеет над самосохранением. Можно быть умным, ленивым, добрым или злым. Весь вопрос, когда все это станет неважным, когда искоренится стремление и к «хлебу», и к «золоту». Все заполнится силой, преодолевающей и страхи внутри тебя, и внешние препятствия. Это и есть сила духа, входящего в тебя не по твоей воле, но по велению Создателя. У Исаака было только семь нот, ведущих его туда, где личные желания ничего не значат. Он приносил жертву, и его жертва обрела бессмертие. Она зовется «музыкой Исаака Дунаевского».

Когда предполагается пауза, а слова произносятся словно на последнем дыхании, хочется выразить благодарность тем людям, великанам духа, которые мне помогали все время, пока я писал эту книгу. Прежде всего ушедшим, которые мне по сию пору доказывают, что смерть — это не последняя инстанция.

Моей жене и возлюбленной режиссеру Ольге Давидовне Дубинской, матери моего ребенка, рано, очень рано ушедшей из жизни, следуя долгу чести и милосердия, обретшей статус Героя после смерти.

Моим родителям — Минченок Татьяне Владимировне и Минчёнку Анатолию Васильевичу, ставшими первыми читателями обновленной книги.

Моему другу Евгению Исааковичу Дунаевскому.

Главному редактору «Молодой гвардии», моему другу Андрею Витальевичу Петрову, с которым мы задумали три новые книги.

Отдельный низкий поклон тем, кто меня терпит и поддерживает в жизни:

моей дочери, фотохудожнику, подарившей мне пару иллюстраций для этой книги, а главное смысл: зачем я живу — Нине Минченок;

Нане Куликовой, которая вытаскивает меня из трясины боли, вдохновляя, дает ответы на трудные для меня вопросы;

Максиму Дунаевскому, в лице которого я обрел брата и с которым я никак не закончу оперу;

Римме Дунаевской, которая хранит память о муже и свекре;

моему другу писателю Марии Залесской, которая каждый раз, когда у меня кончались силы, вдохновляла меня к покорению новых вершин.

И всем тем друзьям, кто читает мои книги, ходит на мои спектакли, любя меня просто за то, что я есть, заставляя понять, что они и есть мое главное сокровище.

Ноябрь 2021 года

Исаак из Лохвицы

Он шел по Лохвице* и вспоминал.

По легенде — рождение случилось, когда на небе сияли звезды, следовательно, было за пять часов вечера (зимние сумерки — ранние). Новорожденного встречали пронзительно яркие всполохи света.

Какая могучая мистерия сопровождала тот миг?

Смерть, точнее небытие (или какая-то другая форма не совсем жизни, что царствует только в лоне матери), еще не покинула пределы того крохотного клочка суши, каковое представляло его тело, и радость рождения еще не затопила все видимые и невидимые окрестности места.

Зато отмечалось присутствие Наблюдателя.

Можно сказать, что ночное небо сыграло роль волшебной линзы. Если за нею где-то и был творец, то самый непознанный, потому что он же был и инструментом своего творения.

Загадочный Наблюдатель присматривался к происходящему, рассматривая младенца через себя.

Роженица по имени Розалия почувствовала вмешательство необычного.

Яркость звезд усилилась, словно небо ощутило весомость происшествия. Подало знак неизбежной грядущей расплаты. Небо на что-то намекало, как и голоса повивальных бабок, гипнотизировавших роженицу. А потом мир замер. Желания кончились, словно природа выдохлась, и чудо вошло в непримиримое противоречие с рутинной действительностью.

Все перестало казаться значительным: тряпки, эмалированный таз, грязное небо за окном.

---

* Город в Полтавской области (Украина).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И. О. ДУНАЕВСКОГО

- 1900, 18 (30) января — в городе Лохвице (Полтавская область, Украина) в семье банковского служащего Бецалеля-Иосифа Симоновича Дунаевского и его жены Розалии Исааковны родился сын Исаак.
- 1910 — Исаак с братом Борисом уезжают в Харьков для обучения в 1-й Харьковской гимназии. Одновременно они поступают в Харьковское музыкальное училище (позже — консерватория).
- 1916 — занятия в театральной студии Павла Ивановича Ильина.
- 1918 — окончание Исааком Дунаевским гимназии с золотой медалью. Поступление в Харьковский университет на юридический факультет. Работа концертмейстером оркестра в частном театре Николая Синельникова. Пишет вокальную сюиту «Песнь песней» для артистки Веры Юреновой. По заказу пишет музыку для постановок Харьковского эстрадного театра миниатюр.
- 1919 — окончание Харьковской консерватории по классам скрипки и композиции. Работа заведующим музыкальной частью в театре Синельникова.
- 1920 — написание музыки к спектаклю «Женитьба Фигаро» и другим постановкам в театре Синельникова.
- 1921 — бракосочетание с Марией Павловной Швецовой (их совместная жизнь оказалась непродолжительной).
Конец года — уход из театра Синельникова. Начало работы в Народном комиссариате внешней торговли на Украине в должности секретаря-корреспондента.
- 1922, *начало года* — возобновление сотрудничества с Синельниковым, ставшим главным режиссером и художественным руководителем Харьковского первого драматического театра, в качестве дирижера и композитора.
- 1923 — в основном сочиняет для харьковских театров малых форм.
- 1924, *май* — переезд в Москву.
Лето — работа музыкальным руководителем «Фанерного театра» сада «Эрмитаж», возглавляемого Владимиром Хенкиным и Павлом Ильиным.
Зима — переход в театр «Палас» сада «Эрмитаж», вслед за Павлом Ильиным, на должность музыкального руководителя.
- 1925 — женитьба на балерине Зинаиде Сергеевне Судейкиной.
Октябрь — приезд молодой семьи в Симферополь в надежде заработка. Дунаевский работает заведующим музыкальной частью Симферопольского драматического театра. Ставит спектакль «Смешанное общество» в качестве режиссера.
- 1926—1929 — музыкальный руководитель Московского театра сатиры. Написание для этого коллектива первых оперетт — «Женихи» и «Ножи».

- 1927 — оперетта «Женихи» была поставлена в Московском государственном театре оперетты.
- 1929 — сочинение оперетты «Полярные страсти» для Московского театра оперетты. Переезд в Ленинград. Композитор и главный дирижер Ленинградского мюзик-холла (до 1934-го, по другим данным — до 1935 года). Первый же спектакль с его музыкой — пародийное сатирическое обозрение «Одиссей» — был запрещен после нескольких представлений. Начало сотрудничества с Леонидом Утесовым.
- 1932, 30 апреля — рождение сына Евгения.
- 1933 — вместе с Владимиром Массом и Николаем Эрдманом создает для Леонида Утесова веселое джаз-обозрение «Музыкальный магазин» с джазовыми интерпретациями мелодий Верди, Римского-Корсакова, Чайковского. В новой оригинальной редакции Дунаевского в Ленинградском мюзик-холле с успехом идет оперетта «Мадмуазель Нитуш» Флоримона Эрве под названием «Небесные ласточки». Съемки фильма «Джаз-комедия» (выйдет на экраны как «Веселые ребята»). Вместе с кинорежиссером Григорием Александровым становится создателем жанра советской музыкальной кинокомедии, сделав музыку одним из главных компонентов драматургии фильма.
- 1934 — смерть отца в Лохвице. Знакомство с танцовщицей Натальей Николаевной Гаяриной. Начиная с этого года по 1940-й сочинил музыку к шестнадцати кинофильмам.
Декабрь — выход на экраны фильма «Веселые ребята», принесшего Исааку Дунаевскому широкую известность.
- 1936 — выход фильмов с музыкой Исаака Дунаевского «Цирк» Григория Александрова, «Дети капитана Гранта» Владимира Вайнштока, «Вратарь» Семена Тимошенко.
- 1937 — возглавил Ленинградское отделение Союза композиторов (по 1941 год). Премьера оперетты «Золотая долина».
- 1938, 13 марта — премьера кинокомедии Ивана Пырьева «Богатая невеста».
24 апреля — премьера фильма «Волга-Волга» Григория Александрова.
Июнь — избрание депутатом Верховного Совета РСФСР.
- 1939 — начало романа с актрисой Лидией Смирновой (продлится менее года).
- 1940 — выход фильма Григория Александрова «Светлый путь».
- 1941 — присуждение Сталинской премии.
Май — отъезд в гастрольную поездку как художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Центрального дома культуры железнодорожников (ЦДКЖ).
Конец июня — семья композитора отправляется в эвакуацию.
Вторая половина года — с Ансамблем песни и пляски ЦДКЖ совершает агитпоездки по всей стране (по 1944 год).

- 1942 — написание песни «Моя Москва», ставшей гимном столицы. Начало романа с танцовщицей Зоей Ивановной Пашковой.
- 1945 — переезд в Москву.
15 января — рождение у Зои Пашковой сына Максима Дунаевского.
- 1947 — завершение музыки к оперетте «Вольный ветер».
Июль — премьера фильма Григория Александрова «Весна».
- 1950 — присвоение звания народного артиста РСФСР.
Март — премьера фильма Ивана Пырьева «Кубанские казаки».
- 1951 — присуждение второй Сталинской премии.
Ноябрь — автомобильная авария со смертельным исходом, виновником которой сочли Евгения Дунаевского, старшего сына композитора.
- 1952 — публикация в газете «Советское искусство» статьи «Печальный акт», написанной коллективом сотрудников Горьковской государственной консерватории, направленной против Исаака Дунаевского.
- 1955 — завершена последняя оперетта «Белая акация».
25 июля — Исаак Осипович Дунаевский скончался в Москве от сердечного приступа. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ЛИТЕРАТУРА

Дунаевский И. О. Выступления, статьи, письма / Вступ. ст. Д. Шостаковича. М.: Советский композитор, 1961.

Дунаевский И. О. «Если Вам нужны мои письма...» Письма к Л. Г. Вытчиковой / Публ., вступ. ст., коммент. и послесл. Н. Г. Шафера. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005.

Дунаевский И. О. Избранные письма / Сост. и прим. Д. Персона; вступ. ст. и общ. ред. М. Янковского. Л.: Музыка, 1971.

Дунаевский И. О. «Когда душа горит творчеством...» Письма к Раисе Рыськиной / Сост., вступ. ст., коммент. и послесл. Н. Г. Шафера. Астана: Елорда, 2000.

Дунаевский И., Райнль Л. Почтовый роман / Сост., вступ. ст., коммент. и послесл. Н. Г. Шафера. М.: Композитор, 2001.

Альпер Э. С. Воспоминания // Личный архив Д. А. Минчёнка. Рукопись, воспроизведенная по аудиозаписи.

Владимирская А. Р. Звездные часы оперетты. Л.: Искусство, 1975.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Демократия, 1999 (Россия. XX век: Документы).

Вождь и культура: Переписка И. Сталина с деятелями литературы и искусства: 1924—1952; 1953—1956 / Сост. В. Т. Кабанов. М.: Человек, 2008.

Данилевич Л. И. О. Дунаевский. М.; Л.: Музгиз, 1947.

Динур Бенцион. Мир, которого не стало: Воспоминания и впечатления (1884—1914) / Пер. с иврита А. Вайсман, С. Могилевский; Центр по изучению российского и восточноевропейского еврейства Иерусалимского ун-та. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Gesharim, 2008.

Исаак Дунаевский в гостях у Михаила Булгакова: Пьесы для фортепиано: Нотный сборник / Сост. и вступ. ст. Н. Г. Шафера. М., 2001.

Кино: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С. И. Юткевич. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Минченок Д. А. Исаак Дунаевский: Большой концерт. М.; Смоленск: Олимп; Русич, 1998.

Михеева Л. В. Исаак Осипович Дунаевский: 1900—1955: Краткий очерк жизни и творчества. Л.: Музгиз, 1963 (Книжка для юношества).

Неизвестный Утесов / Сост. Г. Скороходов. М.: Терра, Крестьянка, 1995 (Кумиры эстрады, театра и кино).

Самин Д. К. Сто великих композиторов. М.: Вече, 2004.

Сараева-Бондарь А. М. Дунаевский в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1985 (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге—Петрограде—Ленинграде).

Скорыходов Г. А. Леонид Утесов: Друзья и враги. М.: АСТ; Олимп, 2007.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС: 1945—1953 / Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова; отв. ред. Д. Г. Наджафов. М.: Материк, 2005 (Россия. XX век. Документы / Междунар. фонд «Демократия» [Фонд А. Н. Яковлева]).

Утесов Л. О. Спасибо, сердце! Воспоминания, встречи, раздумья. М.: Центрполиграф, 2016.

Чернов А. А. Исаак Осипович Дунаевский. М.: Советский композитор, 1961.

Шафер Н. Г. Дунаевский сегодня. М.: Советский композитор, 1988.

Шафер Н. Роковой акт. Как погубили Исаака Дунаевского // Лехаим. 1998. № 12(80). Декабрь.

Янковский М. И. О. Дунаевский. М.; Л.: Музгиз, 1940.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Дунаевский. Предисловие</i>	5
От автора	12
Исаак из Лохвицы	17
«Песнь песней»	98
Все лучшее — только в Москве?	122
Гений и муза	143
Джаз для пролетарского слуха	183
«Как много девушек хороших...»	221
Русский Голливуд	257
Алхимия писем	287
«Реквием»	303
Слуга народа	314
Дачники	327
«Мадемуазель Фифи»	335
Два пути, три женщины	355
Война	365
Ветер судьбы	380
Счастье царя Соломона	390
Время собирать камни	406
Запевала сталинской эпохи	419
<i>Максим Дунаевский. Послесловие</i>	436
Основные даты жизни и творчества И. О. Дунаевского	438
Литература	441